

Ванба и черепаха

«В прозе следуй Цинь и Хань, в поэзии — подражай расцвету Тан».

Пусть в памяти Чу Цы история этого мира и сделала крутой поворот, великие мужи прошлого всё так же рождались в положенный срок, оставляя потомкам в наследство жемчужины канонических текстов и великолепных од. Великая династия Вэй казалась одной из бесчисленных ветвей древа миров: в какой-то момент ход времени отклонился от знакомого русла, но корни и само мироустройство остались прежними.

Юноша тоже подготовил своё рассуждение.

Его слог, вольный и дерзкий, заметно отличался от принятого ныне строгого подражания древним. Однако Чу Цы рассудил, что инспектор по образованию Чжу ещё не стар, а учитывая его скорое назначение на пост главного инспектора провинции, он наверняка полон честолюбивых замыслов. Быть может, именно такое, живое и энергичное письмо, придётся высокому гостю по нраву.

К тому же в душе крепло странное предчувствие: высокий гость едет именно к нему.

Прошлой зимой, когда северные пустыни Мобэй сковал ледяной плен, Чу Цы передал инспектору Мо план по спасению от голода. Тот обещал, что заслуга не будет забыта, и, похоже, нынешний визит — плоды того обещания. Когда-то и учитель Цинь упоминал об этом, но время шло, новостей не было, и юноша уже успел подумать, что его труд присвоил кто-то другой.

Конечно, уверенности не было. Если инспектор Мо и инспектор Чжу не в ладах, план спасения мог запросто осесть в чьём-нибудь чужом докладе.

«Впрочем, пустые думы ни к чему»

Поняв, что мысли его витают далеко от учёбы, он отложил кисть и подошёл к кровати. Там, тесно прижавшись друг к другу, сопели два сорванца. Их щёки разругались от сна, а лица выражали безмятежное счастье.

После возвращения из деревни Чанси отношения между мальчиками заметно потеплели. Сяо Юань стал куда дружелюбнее и последние несколько дней даже охотно делил постель с Юй-эром.

«Хорошо быть ребёнком, — невольно улыбнулся Чу Цы, — никаких забот и тревог»

На днях он получил письмо от Коу Цзина. Тот советовал прислушаться к зову сердца и выбрать тот канон, который по-настоящему ляжет на душу. Толкование классики требует искренней любви к предмету, иначе при глубоком изучении неизбежно возникнут затыки, которые любой опытный экзаменатор почует за версту.

Молодой человек окончательно определился: он будет изучать «Чуньцю» — «Вёсны и осени». Наведя справки в училище, он выяснил, что большинство наставников предпочитают «Ши цзин», «Ли цзи» или «Шан шу». Его собственный учитель в своё время был лучшим знатоком «Книги песен», а глава академии Кун — лучшим по «Книге ритуалов».

Таков был дух времени. Покойный император Цзяю благоволил именно этим канонам, и три года подряд звание чжуаньюаня доставалось тем, кто толковал «Ши цзин».

В училище нашлось лишь двое наставников, знающих «Книгу перемен», и трое — «Вёсны и осени». Чу Цы втайне изучил их послужные списки и пришёл в ужас. Самый достойный из троицы на провинциальных экзаменах в своей секции занял четвёртое место... с конца. Остальные двое и вовсе ещё не имели степени цзюйжэня и, похоже, собирались сдавать экзамен в этом году вместе с учениками.

Раз не удалось найти достойного наставника в своей области, придётся полагаться лишь на собственное усердие. Юноша решил: как только суета с визитом инспектора уляжется, он расскажет учителю о своём выборе. Оставалось лишь надеяться, что тот не выставит его за дверь в порыве гнева. А если и выставит — что ж, он был готов хоть в ноги кланяться и рыдать, лишь бы остаться в учениках.

***

Пространство перед воротами училища вымели до блеска. Здание украсили яркими фонарями и лентами, создав атмосферу, едва ли уступающую празднованию Нового года. Чу Цы и остальных вчера тоже припрягли к делу: каждому выдали по тряпке и велели протереть каждое окно и каждую дверь до скрипа.

Внутри глава академии Кун принимал местных почтенных мужей. Все они имели учёные степени, и не пригласить их на столь важное событие было бы верхом неприличия.

В начале переулка ударили в гонг. Медь пропела девять раз, прежде чем затихнуть.

Гул разнёсся далеко вокруг, его было прекрасно слышно даже в глубине Зала «Прежние мудрецы».

«Хоть у инспектора и нет официального ранга, — подумал Чу Цы, — но принимают его по чину начальника области пятого ранга. Влиятельное ведомство, ничего не скажешь»

У ворот затрещали петарды. Жители окрестных домов, прослышав о визите, плотными рядами выстроились вдоль переулка Синего камня.

Впереди процессии шествовали слуги с табличками, на которых золотом сияло: «Ведомство по делам образования области Ганьчжоу». Это служило знаком: любой, чей чин ниже, обязан был немедля уступить дорогу. Следом за ними двигалась внушительная свита.

Глава академии Кун вывел всех встречать гостя у порога. Из скромного синего паланкина вышел мужчина лет сорока с небольшим. Его лицо украшали аккуратные усы, а взгляд казался добрым и приветливым. Следом подошли окружные инспекторы, заняв места за спиной почтенного Чжу.

Уездный начальник Ян, шедший в самом конце, поспешно покинул свой паланкин и в несколько быстрых шагов нагнал инспектора.

— Господин инспектор, это и есть училище уезда Юаньшань, — проговорил он, держась на полшага позади. — А вот этот почтенный муж перед вами — глава академии Кун. Полагаю, вы его помните?

Кун Чжаожу вместе с остальными склонился в глубоком поклоне.

— Приветствуем господина инспектора. Ваше прибытие — великая честь для нашего скромного училища.

— Оставьте церемонии, друзья мои, — мягко ответил инспектор по образованию Чжу. — Я прибыл лишь для того, чтобы побеседовать с вами об учении. Не стоит так стесняться.

Его приветливость тронула сердца присутствующих. Глава академии Кун широким жестом пригласил гостей внутрь.

Осмотрев территорию училища в окружении свиты из нескольких десятков человек, инспектор со вздохом заметил:

— Скучность условий в Юаньшань осталась прежней, но ваше усердие и стойкость — пример для всех нас. Когда я вернусь, непременно подам доклад главному инспектору: со следующего года расходы на ваше училище надобно увеличить на одну пятую.

— Благодарим Великого наставника за милость! — глава академии Кун выглядел так, будто готов был разрыдаться от счастья. И было от чего — это не просто пустые слова, а реальное подспорье для училища!

— Где же ваши ученики?

— Они ожидают возможности ответить на ваши вопросы в Зале «Прежние мудрецы». Прошу вас, следуйте за мной.

В зале в строгом порядке висели портреты всех святых мужей, начиная с Конфуция. Инспектор и его спутники первым делом воскурили благовония и совершили поклонение предкам, и лишь после этого обратились к присутствующим.

Сто двадцать учеников старших классов замерли ровными рядами. Увидев главу академии Куна и гостей, они синхронно согнулись в поклоне:

— Студенты приветствуют Великого наставника!

— Вольно, юные таланты. Сегодня забудьте о чинах, считайте меня просто старшим родственником.

Ученикам по этикету не полагалось смотреть в лицо высокому сановнику, но после этих слов все они подняли головы.

— Все вы статны и полны сил, и я не сомневаюсь, что ваши познания столь же глубоки. У меня есть для вас загадка-двустигшие. Не бойтесь отвечать, даже если ваш вариант покажется вам неудачным — это не имеет значения.

— Просим Великого наставника испытать нас.

— В конце прошлого года, когда выпал обильный снег, я в одиночестве покинул дом и случайно забрёл в одну деревушку, — начал инспектор по образованию Чжу неспешно. — Там стояло всего несколько хижин, а старики и дети жили в мире и довольстве. Вдали я увидел мостик, по которому сновали кошки да собаки, оставляя свои следы. Тогда мне и пришла на ум первая строка, а вторую я так и не подобрал до сего дня.

Он медленно продекламировал:

— «Петух и пёс по мосту в инее прошли — за ними след из листьев бамбука и цветов сливы»

Ученики склонили головы, погружившись в раздумья.

«На первый взгляд — ничего особенного, — рассуждал Чу Цы, — но на деле подобрать пару ох как непросто. Цветы сливы и листья бамбука — это ведь просто форма отпечатков лап, но как изящно описана сцена! Как же превратить простое наблюдение в высокую поэзию?»

Не успел он додумать, как один из учеников в задних рядах поднял руку.

— Подойди ближе, — велел инспектор.

— Ученик Чжу Цзе приветствует Великого наставника. Моя строка такова: «Бык и конь по снегу брели — за ними след из ракушек и ванба»

Чжу Цзе продекламировал это, старательно качая головой и сияя от гордости.

Чиновники и почтенные мужи, стоявшие за спиной инспектора, поспешно прикрыли рты рукавами, пряча улыбки. Строка-то подходила по размеру, но была до того топорной и вульгарной, что назвать её «удачной парой» не повернулся бы язык.

Лицо главы академии Куна потемнело. Ему нестерпимо захотелось пинком отправить это позорище обратно в строй.

Инспектор кашлянул и произнёс:

— Что ж, ответил ты быстро, но над слогом надобно ещё поработать. Можешь идти.

Стоило удручённому Чжу Цзе вернуться на место, как руку поднял другой.

— Ближе.

— Ученик Чжан Вэньхай. Мой вариант: «Иволга и бабочка у окна кружат — весь свиток в пионах и гибискусе»

На этот раз вышел Чжан Вэньхай. Характер у него был живой, но в поэзии он всегда тяготел к излишней нежности и цветистости.

— Неплохо, — оценил Великий наставник, — но всё же слишком приземлённо.

Следом вызвался Ци Сюй:

— Ученик Ци Сюй предлагает: «Гусь и конь по снегу ступали — два ряда листьев клёна и полумесяцев»

— Весьма стройно, — кивнул почтенный Чжу. Хотя, по правде сказать, вариант был слишком предсказуемым.

— Ученик Чэнь Цзыфан, у меня тоже есть вариант: «Сверчок и лягушка в траве завели песнь — всё небо в звуках флейт и барабанов»

— Довольно занятно, — улыбнулся инспектор.

Наконец и Чу Цы подобрал подходящую фразу. Он нерешительно поднял руку, но тут же опустил её.

— Неужто и ты что-то придумал? — зоркий инспектор заметил движение и подбодрил его мягким тоном. — Не бойся, говори. После «ванба» мне уже ничего не страшно.

Юноша на мгновение замялся, а затем произнёс:

— Ученик и впрямь подобрал строку, но, поразмыслив, счёл её противной здравому смыслу, а потому не решился озвучить.

— О? Противной здравому смыслу? Поясни, что ты имеешь в виду.

Эти слова заинтриговали всех присутствующих.

— Не смею лгать Великому наставнику. Моя строка была такова: «Черепаша и змея по снегу ползли — весь лист в железных штрихах да серебряных крюках»

В зале воцарилась тишина. Ученики и наставники переглядывались в изумлении. Строка была безупречна по размеру, а образ — каллиграфические штрихи на белом снегу — звучал мощно и благородно. Почему же он назвал это нелепицей?

Чу Цы со смущённым видом пояснил:

— Черепаша и змеи — существа холоднокровные. Зимой они впадают в спячку и не показываются на глаза. А если и выползут на снег, то немедленно окоченеют. Ученик рассудил, что нельзя ради красивого словца приписывать им то, чего не бывает в природе, а потому и не хотел говорить.

— Ха-ха! — инспектор Чжу рассмеялся от души. — Создать столь мощный и стройный образ и при этом быть готовым отказаться от похвалы ради истины... Ты занятный малый. Как твоё имя?

Стоявший в задних рядах Чжу Цзе недовольно поджал губы.

«Подумаешь, важность! — ворчал он про себя. — Моя „ванба“ и его „черепаша“ — одно и то же, почему же его хвалят, а надо мной смеются?»

<http://bllate.org/book/15354/1429010>